

ПАВЕЛ ЕЖОВ

18+

Контрактник А. Непригодин

Часть 2
"пингвины с мадагаскарии"

Павел Александрович Ежов

Контрактник А.

Непригодин. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43251731

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95107-5

Аннотация

Продолжение рассказа о современной контрактной службе на примере контрактника Непригодина. О контрактной службе без романтики, о том истинном положении дел в вооруженных силах и иных воинских формированиях, в которых федеральными законами предусмотрено прохождение военной службы. О тех существенных проблемах, про которые никогда не расскажут по телевизору. Все события подлинные, имена и фамилии большинства участников заменены на вымышленные.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава I	4
первые последствия	17
«пингвины с мадагаскарии»	26
Глава II	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Павел Ежов

Контрактник А.

Непригодин. Часть 2

Глава I

После беседы с полковником Татошкиным, Непригодин поймал себя на мысли, что как военнослужащий он кончился и служба тоже. Не может подчиненный так разговаривать с начальством, не может подчиненный критиковать командование (даже если критика объективна), да и в конце концов, подчиненный в приоре должен быть глуп и туп. Да и службой этот цирк назвать нельзя. Из неофициальных источников было известно, что Татошкин тоже был не в восторге от такого собрания, и еще долго орал в кабинете, « – Как так! Меня, полковника! Будет учить жизни, какой-то прапорщик!», и все в таком роде. Только вряд ли Татошкин понимал всю глубину проблемы, скорее всего его, тревожили мысли о задетом самолюбии, а не о том, что, такие как он, сознательно или нет, но разваливают армию и способствуют снижению уровня государственной безопасности. А и зачем об этом думать, пенсия, квартира, бесплатное медицинское обеспечение, и многое другое, не хочется лишаться таких благ из-

за какой-то там «Родины». И добрая половина руководящего состава служит именно с такими мыслями, все высокие слова на примере: долг, честь, отечество, – это лишь для выступления перед личным составом, выпендрежа по телевизору, ну еще для красного словца за праздничным столом, поднять, так сказать, самооценку перед друг другом. Оно и понятно, демократия же, денежно-рыночные отношения, и армия не остается в стороне. С 90х годов настоящих генералов, полковников и тех офицеров для кого слово «Родина», не пустой звук, тех, кто действительно служил «Народу и отечеству», стали активно вытеснять, особо упертых уничтожать, как в прямом, так и в переносном смысле. Перечислять фамилии таких офицеров не обязательно, кому не безразлична судьба своей страны и есть хоть какие-то знания современной истории, эти люди, известны. Объяснять не стоит, почему в 90е годы разгонять демонстрации привлекали именно армию, у которой прямо скажем совершенно другие задачи, да и вообще использование вооруженных сил против безоружного народонаселения, (камни, палки, бутылки это не то оружие, против которого стоит применять бронетехнику и солдат) есть не что иное, как военное преступление. Именно там и тогда в общественное мнение закладывалось современное отношение к армии, облик защитника отечества. Соответственно высшее руководство, да и младший офицерский составы, понимающие и способные вмешаться, и что-либо изменить, действующей власти были не нужны.

Как собственно и сегодня. На высоких должностях должны находиться тупые, но преданные люди, которые бездумно выполняют любое распоряжение и приказ, ему же дадут квартиру в ипотеку и пенсию, остальное не важно. На первый, поверхностный взгляд, все так и есть, просто не из кого выбирать, уровень образования снизился, мораль в обществе не та, вот соответственно и остается назначать на руководящие должности то, что есть. Но на самом деле это далеко не так, выбор есть всегда, но таких людей блокируют по карьерной лестнице еще на дальних подступах, они крайне не выгодны, люди умеющие думать и принимать самостоятельные, взвешенные решения, опасны, вот поэтому их и не пропускают «наверх». Командир, пользующийся истинным авторитетом и уважением у личного состава, не нужен, ибо такой человек потенциальная угроза, он в состоянии вовремя принять свое решение, в то время когда обязан беспрекословно выполнить, казалось бы, любой приказ, но, как известно, далеко не все приказы носят законный и обоснованный характер. Армия это что, это сила, которая должна стоять на защите своего народа, но ее отделили от этого народа, и планомерное отделение продолжалось более 20 лет, не без прямой помощи представленных выше не совсем «умных» начальников. То же самое происходит и внутри армии, военнослужащих настраивают против своего государства в целом, делается это медленно и тонко, непросвещенному человеку этого не заметить, собственно и большая часть командования не

понимает последствий своих действий. Выражается это в мелочах, проблемы и неудобства которые сегодня существуют, на самом деле можно разрешить в течении максимум недели, но их ни кто решать не собирается, и более того, только обостряют сложившееся положение. Создать благоприятные условия прохождения военной службы, ну или максимально приближенные к ним, не такая уж и сложная задача для командира любого уровня, если он, разумеется, с головой, но как показывает практика, такие командиры и начальники надолго не задерживаются, причин снять с должности масса. Все происходит ровно на оборот, условия создают невыносимые, прикрываясь заезженной фразой – «Стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». Для примера, в присутствии Непригодина был такой случай, работали они на участке по выявлению и устранению неисправности сигнализационного оборудования, к вечеру нашли причину, но для ее устранения необходима была деталь, которой в распоряжении пограничного отделения (заставы) не было, о чем, как положено, доложили начальнику. Начальник в свою очередь доложил начальнику отдела (отряда), его обязанности в это время выполнял подполковник Гнилых, который по этому поводу сказал следующее:

– Ну, отправь, кого ни будь на своей машине в отдел, пусть заберет.

– Тов. Полковник, у меня нет людей, в отделении только часовой и дежурный, остальные в нарядах!

– Короче, от меня ты чего хочешь? У меня тоже нет ни транспорта, ни людей! Либо ты находишь, кто у тебя поедет, либо я объявляю усиленный режим в виду неисправности участка, на сутки. Соответственно и люди у тебя появятся. Ты меня понял?

– Так точно.

Кто не знает, при введении усиленного режима, выходные отменяются, а те, кто уже находится на выходных, обязаны немедленно прибыть в расположение подразделения. Вот и тяготы с лишениями. Разумеется, ничего не оставалось, и начальник отправил дежурного на личной машине в отдел, за маленькой, но такой ценной для всех деталькой. Ситуация не однозначная, с одной стороны начальник мог и имел право ввести усиленный, но с другой, именно он обязан был принять меры по доставке детали для устранения неисправности, но зачем, когда есть такой эффективный способ, как шантаж подчиненных выходными. Да и ругаться с высшим командованием зачем, ему же тоже ставятся определенные условия, ограничения и лимиты. На что подобные персонажи и опираются, «А я что? Все вопросы «наверх», мне приказали – я вам приказал». Подобных примеров множество, и все они прививают неприязненное отношение к подобным субъектам, а через них и к своему государству, ведь подобные начальнички ссылаются и жалуются на вышестоящее командование, мол они ничего не дают, а требуют, вот и приходится выкручиваться. И «как бы» это нормально, это и есть

те самые «тяготы и лишения», только какое отношение несостоятельность и преступная деятельность отдельных должностных лиц имеет к военной службе, не ясно...

Отдельная тема это, невыплаты, необоснованные лишения, не предоставление, либо несвоевременное предоставление отпусков, дополнительных суток отдыха, не предоставление каких либо отдельных выплат и льгот, это все вызывает еще большее негативное отношение ко всему окружающему у военнослужащих. Тем более что перечисленное вызвано не какими-то серьезными и непреодолимыми причинами, а является следствием неправомочности деятельности должностных лиц, в большинстве случаев вызванных личной несостоятельностью и необразованностью, но их ни кто не снимает и не увольняет, хотя по доброй части командного состава вполне обоснованно плачет лобзик в лагерях. Несомненно, сегодня органами военной прокуратуры возбуждается не малое количество уголовных дел по различным основаниям, это и превышение должностных полномочий, самовольное оставление части, неуставные взаимоотношения, уклонение от исполнения обязанностей военной службы, воровство, хищение, порча и т.д., но это все не то. Главные и самые страшные преступники, не подвергаются уголовному преследованию, подрыв боевой готовности, серьезное преступление против военной службы и государства, но такую категорию дел военная прокуратура в упор не видит. По телевизору же армия успешно отрабатывает маневры на

учениях, и блестяще поднимается и действует по сигналам «внезапных» тревог. Наверно только в Российской армии на вечерней поверке могут довести, – «Завтра, в 5 часов утра, будет объявлена внезапная тревога, поэтому подъем в 4.30, всем быть готовыми». Собственно говоря, Непригодин участвовал во множестве «внезапных» тревог, но одна ему запомнилась на всю жизнь. Когда Непригодин пришел в пограничное отделение (заставу), после военного института, уже через несколько дней начал ходить часовым. Как то перед заступлением в наряд, дежурный предупредил Непригодина, сегодня приедет командир с проверкой, будет заставу к бою поднимать (как всегда «внезапно»), так что будь готов.

– Что у вас делает часовой по команде «к бою»? Имею ввиду куда надо бежать, кто мне боеприпасы вынесет, каску и т.д.?

– Короче, я тебе по радиостанции скажу «к бою», а ты на крыльцо прибежишь, я тебе все и вынесу, дальше уже по обстановке. Ок?

– Ок. Принял-понял!

Непригодин заступил в наряд, через какое-то время дежурный сообщил, что командир уже подъезжает и надо идти к воротам встречать. Непригодин так и сделал. Пошел к воротам, пропустил машину командира, и расположился по ближе к крыльцу, в ожидании «внезапной» команды. И она прозвучала, Непригодин подошел к входу в ожидании дежурного, но к его удивлению вышел командир. Неприго-

дин доложил по форме, командир выслушал и поинтересовался, что часовой делает на крыльце в столь «тревожную» минуту. Непригодин объяснил как есть и попросил уточнить вводные. Командир в свою очередь молча развернулся и пошел осматривать территорию. Дежурный вынес каску, боекомплект и т.д., на вопрос Непригодина, какая вводная и что делать, кто нападает, откуда и куда бежать, дежурный ответил как то так:

– Я сам ничего не знаю, беги за всеми.

– Нормально, на нас напали, а ни кто ничего не знает...

В это время толпа дядек в военной форме, (по-другому их было не назвать) выбегала на улицу, офицеры совершенно не управляли этой вакханалией, кто куда, а главное, зачем бежал, было не понять. Командир лишь наблюдал за беспорядочными передвижениями профессионалов. Непригодин занял позицию в окопе в составе своего отделения, и первое что его удивило, «Кто решил тут рыть окоп, а главное для чего?». Описать полное расположение позиции отделения трудно, но это было нечто невообразимое, с кем в таких условиях воевать, останется загадкой. Окопы, траншеи, позиции и т.д. должны отвечать определенным требованиям, у стрелка должна быть хорошая видимость своего сектора обстрела и возможность поддержать огнем товарищей слева и справа. Для удобства и эффективности управления огнем, должны быть обозначены четко выраженные ориентиры, соответственно и позиция должна быть выбрана так,

чтобы местность перед стрелком максимально простреливалась, дабы не подпустить противника на расстояние гранатного броска, ну это так, в общих чертах. Тут же! Окопы расположены совершенно бездумно, так, чтобы были. Особенности ландшафта не учтены, какой либо подготовки местности в инженерном отношении (за исключением ямы, называемой окопом), не производилось, про ориентиры вообще можно не упоминать. Надо было копать, а где и зачем, так и не уточнили. К окопам, которые занимало отделение Непригодина, не то, что можно было скрытно подползти на расстояние гранатного броска, можно было совершенно спокойно подойти в полный рост и извините, помочится на каски обороняющихся воинов. И даже после этого, чтобы открыть огонь по дерзкому врагу, нужно было бы вылезти из окопа. Видимости, абсолютно ни какой. В такой «яме» можно только попытаться спрятаться, но не воевать. Но на великое счастье, никакого врага не было и после непродолжительных посиделок в окопах, прозвучала команда, «Строиться». Когда все встали в строй, командир озвучил недостатки, стороной не обошел и часового Непригодина:

– Часовой был вообще убит в первые минуты боя, так, часовой?

– Никак нет тов.полковник, часовой жив и находится в строю!

– А я говорю убит!

– Никак нет товарищ полковник! В ходе несения службы

нападения не наблюдал, команду начальника группы следовать за ним, выполнил, каких либо задач и вводных не получал, позиция, обстановка, первоочередной маневр и ближайшая огневая задача доведены не были.

Командир на это ничего не ответил, а что ему и было отвечать, что сам, не подумавши, крикнул «к бою», а только потом начал догонять, что, куда и зачем. Замысел то Непригодину был в общем ясен, он понимал что полковник ляпнул команду и хотел увидеть как застава занимает круговую оборону, но зачем. Кем занимать круговую оборону в 500 метров, когда их там от силы на два полноценных отделения наберется, что смеяться. Как в его понимании группа вояк в 12-13 человек должна занять оборону по фронту в 500 метров, на неподготовленной в инженерном отношении местности, когда максимум они могут обеспечить 100-150 метров фронта. И это в условиях стационарного дислоцирования подразделения, когда времени более чем достаточно, чтобы продумать и оборудовать вверенный участок. Да зачем все это делать, когда можно приехать раз в год, подать тупую команду, поумничать с полчаса и уехать, а дальше неважно. Главное есть место для недостатков, а настоящее положение дел ни кому не интересно. Как в принципе и истинный уровень подготовки личного состава, ведь ему же совершенно неважно, что с ними не проводится занятий, что в головах «профессионалов» отсутствует само понимание организации обороны, способы и методы ее построения, поря-

док занятия указанных позиций, алгоритмы подаваемых команд и поступаемых огневых задач. В свою очередь, младший командный состав, так же не имеет представления, а им-то помимо перечисленного еще и управлять системой огня (которую для начала они должны создать и организовать). Установить порядок выполнения задач, уметь ставить эти самые задачи, а они элементарного не могут, поставить приказ и управлять действиями вверенного личного состава. О какой боевой готовности тут разговаривать?! Когда люди в военной форме совершенно не понимают свою роль, место и значимость. Подчиненный должен знать свое место в строю, свои основную и запасную позиции, первоочередной маневр и первоочередную огневую задачу, а он этого не знает, более того, этого не знает его непосредственный начальник. Вот и сидят, имитируют все дружно военную службу, а что, зачем, думать не надо. Деньги платят и хорошо, форма есть – значит, военный. Не служба, а театр.

После того как командир уехал, конечно же ничего не поменялось, собственно больше и подобных команд не отрабатывалось, проверка прошла и ладно, жить можно. Хозяйственные заботы имеют куда больший приоритет, чем какая-то там боевая подготовка. То, что личный состав не хрена не знает и не умеет, не беда, главное косит траву, красит бордюры и заборы, поддерживает чистоту и порядок, а значит и службу несет. Как и везде в присущей нашему народу манере, все сидят сложа руки, пока петух жаренный не клю-

нет в одно место...

Возвращаясь к персонажу «Татошкину», коих представителей в армии не мало, можно дополнить, что все перечисленное не значит что они плохие люди, нет. Вполне возможно, что они порядочные семьянины, хорошие друзья, великолепные любовники, и даже из них скорее всего получились бы прекрасные специалисты в других сферах жизнедеятельности человечества, но они, совершенно не созданы для управления воинскими коллективами. Командиром нельзя стать, им можно только родиться, а в процессе обучения он лишь приобретает навыки и опыт, но не как не учится быть таковым. И проблема в том, что сами они этого не осознают и не догадываются, что их назначали не за боевые заслуги, не за великие достижения или незаурядные умственные способности, и даже не за выдающиеся знания в военном деле, нет, не за это. Их назначали за отсутствие твердости характера, личного мнения и умения его отстаивать, за отсутствие моральных принципов, стремления к самосовершенствованию, умения думать и самостоятельно принимать взвешенные решения, и главное, нести за них ответственность. Если бы такие великие полководцы, как например, А.В. Суворов, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и многие другие, были бы именно такими людьми, то мы бы о них никогда ничего не знали, и неизвестно как сложилась бы наша история. Только люди с твердым характером, и умением отстаивать свою точку зрения, кто бы перед ними не стоял, способны

навязать свою волю врагу и выигрывать сражения. А что и кому могут навязать описанные персонажи, только обманывать своих же подчиненных, совершенно не давая отчета, к каким трагичным последствиям может привести их бездарная деятельность. Благодаря таким «начальничкам», военнослужащие напитываются ненавистью к родному государству, не странно ли? Люди, которые должны прививать солдату истинную любовь к Родине, чувство долга и безоговорочного самопожертвования ей, делают все ровно на оборот. Когда они нарушают права военнослужащих, вынуждая их обращаться в прокуратуры, суды и еще в какие либо органы в поисках справедливости, они же перекладывают свою ответственность и несостоятельность на плечи государства и общественности, мол, мы то что? Все что могли, сделали, это страна у нас такая плохая, общество такое нехорошее, идите, боритесь за свои права. А почему военнослужащий, да и любой другой гражданин, должны думать и еще бороться за свои права? Зачем тогда вы все, «начальнички»? За что вы получаете деньги и льготы, просто за присутствие? Разве не ваша обязанность, создавать, организовывать и отстаивать? Вопросов много, ответов, нет. Как, и с какими чувствами солдат и рядовой офицер пойдут защищать свое отечество? А ни как, без особого энтузиазма, с ненавистью к своему начальству и стране. Так быть не должно, и долго так не будет...

первые последствия

После первых двух жалоб, командование вместо того чтобы решать проблемы и сглаживать сложившуюся ситуацию, приступило к выявлению зачинщика сего мероприятия, Непригодин в их глазах пока еще был жертвой, которого обманом затянули в эту историю. Должностные лица разных уровней активировали деятельность своих «агентов», в задачу которых входило разнюхать, кто же этот негодяй, который посмел вынести сор из избы. Как уже говорилось, Непригодин их знал, и подкидывал им различного рода информацию, как вы уже догадались, не имеющую под собой правдивой основы. Соответственно командование находилось в замешательстве, надо же отреагировать и публично наказать наглеца, но кого, жен – не представляется возможным, весь личный состав – могут пострадать «свои», да и опять пожаловаться могут. Но тогда кого, ведь понимали же, что это дело рук одного человека, но как его выявить? Основных «подозреваемых» было три, но вот потеха, два из них «свои», агенты подковерных интриг, не могли же они?! Пока думали, гадали, выявляли, Непригодин с Екуниновым спокойно готовили жалобу на местную прокуратуру и собственно изучали мат.часть. В свою очередь Екунинов был третьим «подозреваемым». Екунинов прибыл незадолго до начала описываемых событий в подразделение по пла-

новой замене с Кавказа, там во время прохождения службы приобрел серьезное заболевание, собственно из-за которого уже вел свою маленькую войну с командованием, чем и вызвал доверие у Непригодина. На этот момент Екунинов был единственным человеком, посвященным в истинные планы Непригодина.

Перед тем как отправить жалобу в прокуратуру, Непригодин успел полежать в госпитале, но откровенно говоря, госпиталь – это громко сказано, военнослужащие между собой его называли «Центр лопуха и подорожника», но о нем будет дальше. За несколько дней до того самого собрания проводимого полковником Татошкиным, Непригодин находился на заставе, всю ночь он в составе наряда прокатался по участку, на ложные сработки. Под утро наряд лег наконец-то спать, но уже в обед Непригодина разбудил дежурный.

– Вставай. Иди обедай и собирайся в наряд.

– Хорошо, а у нас что, повар появился?

Дело в том, что к этому моменту, застава уже недели две жила без повара. Готовили, кто хотел и мог, в общем, что сумел, то поел, или что перепало. Этот вопрос на собрании Непригодин тоже задавал Татошкину, но вразумительного ответа не получил. Одного повара уволили, причем военнослужащая не хотела увольняться. Но она была из числа неугодных и находилась в натянутых отношениях с начальником, в результате чего, ей просто не продлили контракт. Второго повара в это же время отправили в отпуск, таким об-

разом, застава осталась без поваров. Но это, никого не волновало, продукты есть, с голоду не сдохнут. Выглядит интересно, командование при каждом удобном случае угрожает увольнением и напоминает о толпах желающих за забором, о том что на места очередь огромная, а тут повара заменить не могут. Собственно, за каким именно забором находилась очередь, не уточняли, ибо ни кто из действующих военно-служащих с ней не встречался, видимо не под теми заборами ходили. Ну да ладно, вернемся к Непригодину. На его вопрос дежурный ответил:

– Да нет, повара не присылали.

– А кто тогда готовил?

– Артемьев там что-то наварил

– Кто? Артемьев? Он же вожатый служебных собак???

Что он там наварил? То же самое что и собакам своим?

– Короче, мое дело маленькое, я передал.

– Ладно, понял тебя.

Непригодин встал, оделся и пошел в столовую посмотреть на яства приготовленные Артемьевым. То, что Непригодин увидел в кастрюлях, представленное в виде первого и второго, не то, что есть, смотреть сил не хватало. Непригодин взял одну из кастрюль и пошел в канцелярию, при выходе с кухни он встретился с Артемьевым

– Леха! При всем уважении к твоим способностям, но кулинар ты никакой, без обид.

– Да я в курсе, хотел как лучше. А куда ты кастрюлю по-

нес?

– А пойду с начальником в канцелярии отобедаю!

– В смысле?

– В прямом, Леша, в прямом!

Дверь в канцелярию была открыта, там сидел заместитель начальника, который собственно говоря, и исполнял в это время обязанности начальника заставы. Заместитель, был молодой, бесхарактерный лейтенант, которого впоследствии Непригодину было жалко, ведь как человек он был добрый и отзывчивый, начитан, не глуп, но работа с личным составом это не его, да и бросили его «отцы командиры» на танки без гранаты. Непригодин постучал о дверной косяк, спросил разрешения войти, после одобрительного кивка головой, он зашел и кинул кастрюлю на стол начальника:

– Товарищ лейтенант, Вы будете – это есть? Лейтенант привстал, посмотрел в кастрюлю, скривился и произнес:

– Нет!

– А почему тогда я должен, это есть?

– Не ешь!

– А что тогда я должен есть? Ужина не было, завтрака не было, обеда нет, через час идти в наряд, как быть?

– Я не знаю, запарь Доширак

– Нормально, а кто должен знать? Зачем тут вы тогда сидите? Мне что, самому думать, как организовать питание, потом сходить на службу, прийти, убратся, опять себе готовить, потом опять в наряд, и сколько так продолжаться мо-

жет, мы в армии или где?

– Ну-у, я спрошу про повара, а пока как то так.

– Короче, если вы не в состоянии организовать питание во вверенном подразделении, тогда я поехал обедать домой, я ни собираюсь терпеть и есть вот эту жижу.

– Ну, хорошо, иди.

Непригодин пошел собираться, но его позвал дежурный:

– Зайди в канцелярию, тебя зовут.

Непригодин вернулся в канцелярию, лейтенант протянул ему бланк объяснительной, со словами:

– На, напишешь объяснительную за невыход в наряд и едешь на два выходных домой, а там уже сказали повар будет.

– Т.е. со мной вопрос решили, а остальные раз молчат, значит, все устраивает, как-нибудь перебыются?

– Ну, значит так.

– Хорошо, я Вас понял, разрешите идти?

– Иди!

Непригодин вышел из канцелярии, сел за стол, порвал бланк объяснительной, достал чистый лист А4 и написал рапорт-доклад на имя начальника отдела, о том что начальник заставы не в состоянии осуществить организацию питания в подразделении, что в свою очередь является грубым нарушением порядка прохождения военной службы. После чего он отнес рапорт лейтенанту, тот прочитал рапорт, по выражению его лица было понятно, что такой поворот событий его не устраивает, но он молча убрал рапорт в стол и произ-

нес:

– Хорошо, я тебя понял, можешь ехать домой.

– Есть.

Непригодин сел в свою машину и отправился не домой, а в медицинский пункт отдела, так как без шуток, желудок действительно беспокоил Непригодина в последние дни. После осмотра дежурным врачом, симптомы у Непригодина вызвали подозрение на гастрит, для подтверждения или опровержение диагноза, его отправили на ФГДС (в простонародье «глотать лампочку»). На следующий день после общего собрания, Непригодин отправился на указанную процедуру, где диагноз оказался серьезней, язва желудка. После того как Непригодин показал результаты обследования, его направили на лечение в «Центр лопуха и подорожника». В свете таких событий командование испугалось, чтобы не поднялось новой шумихи, командир части звонил в госпиталь и просил изменить Непригодину диагноз на гастрит, что в следствии и было сделано. Мир не без добрых людей, к этому моменту у Непригодина и в госпитале, как оказалось, были «сторонники», которые и сообщили о звонке командира. Подробности этой истории будут дальше, а пока... По примеру Непригодина, несколько человек с заставы, решили пройти обследование, оказалось, что гастрит подтвердился еще у пяти-шести человек, и это только тех, кто изъявил желание, остальные просто никуда не обращались. Вот вам и «тяготы с лишениями», вот и прямая связь последствий отсутствия ор-

ганизаторских и управленческих способностей у руководящего состава. Но история огласки не получила, быстренько прикомандировали повара, задобрили народ выходными и все сошло с рук.

Пока Непригодин лежал в госпитале, произошло еще одно событие, но о нем позже. А пока, воодушевленный «коллектив» начал потихонечку рассыпаться. Вовсю шли споры, пересуды, обсуждения друг друга за спинами, косые взгляды, недоверие, обвинения. Так или иначе, спокойствие закончилось. Но, тем не менее, вопреки желания Пискунова, выходные оставили, как и раньше, восемь, возобновили ночные выезды, но все же жизнь изменилась. «Коллектив» разделился на несколько лагерей, те кто поддерживал, кто не поддерживал и мирные наблюдатели. В первых двух лагерях людей было мало, большинство находилось в лагере наблюдателей, оно и понятно, у нас практически вся страна живет по такому же правилу, «вы там делайте, а мы тут из-за угла подглядывать будем, когда что ни будь получится, зовите, делиться успехом будем», но лучше деньгами. Соседние подразделения и во все напоминали телезрителей, усевшихся у экранов телевизоров в нетерпеливом ожидании очередного выпуска нашумевшего сериала. Соответственно в перерывах между выпусками, активно обсуждали главных героев и размышляли о возможных вариантах исхода истории, и при личной встрече с участниками событий каждый хотел изложить свое «весомое мнение». Как раз такое мнение окружа-

ющих, Непригодина ни когда не интересовало, так как чтобы выразить свое мнение, его для начала нужно иметь, а сотрясать воздух в состоянии любой человек. Да и к тому же, что такое общественное мнение? Это мысль навязанная толпе авторитетным человеком, либо группой лиц. Собственно по этой причине, Непригодин прислушивался только к словам ведающих людей. То же самое происходило и в части, рот открывал каждый под видом выражения «личного мнения», но Непригодин и компания, прекрасно понимали, чье они выражают мнение и с какой целью распространяются небывающие.

Сострадальцев тоже было много, своеобразные группы поддержки, выдающие себя за значимых людей, способных оказать любую посильную помощь, но на деле они были такими же наблюдателями, подглядывающими из-за угла. Раскрыли себя и лицемеры, при встрече бегущие с вытянутой рукой, чтобы поздороваться и выказать свое восхищение и «уважение», а потом за спиной, как следует облить помоями, но они это тоже называют – «личным мнением». Описываемый контингент составляли как рядовой, так и офицерский составы, люди везде одинаковы, и совершенно неважно к какому сообществу они относятся. Подразделение и его главные персонажи стали узнаваемы и обсуждаемы, всем было интересно узнать новости с «четверки», как прям с линии фронта. Но Непригодин с Екуниновым спокойно делали свое дело, а всей правды никому ни говорили, давали лишь ту ин-

формацию, которую было нужно, оттого им было еще забавней слушать о себе небылицы.

«ПИНГВИНЫ С МАДАГАСКАРИИ»

«Пингвины с Мадагаскарии», отдельно взятое из системы военной прокуратуры подразделение, где сотрудники ходят в черной форме, воображают из себя «белых» блюстителей порядка, у которых начальник (прокурор) является носителем звонкой фамилии из известного мультика для детей (поэтому в рассказе он будет просто – Дядька прокурор). Ну и ко всему прочему, живет вся эта дружная компания в отрыве от окружающей реальности, в другом мире.

Первое знакомство с «Пингвинами» у Непригодина и Екунинова состоялось после написания первой жалобы в прокуратуру. В жалобе содержались сведения, касающиеся исключительно нарушения регламента служебного времени. Они подробно расписали сложившуюся обстановку в отделении, о том что круглосуточно находятся на территории подразделения, как «ведется» журнал учета служебного времени и все к этому явлению прилагающееся. Первое что они узнали, это как долго работают эти ребята в черной форме, выдающие себя за белых и пушистых защитников закона. А работает прокуратура так, приходит к ним жалоба, – положено на регистрацию заявления 3 дня, вот и тянут 3 дня, ничего не нарушают. Далее им дается 30 дней на рассмотрение, вот и начинают работать день этак на 25, а то и 28, в редких случаях, если снизойдет благодать, то день на 14. Потом

еще не забываем время на почтовые пересылки. Объясняется тем, что в «Мадагаскарии» (они живут в другом, далеком от нас государстве, своем личном), большая загруженность, дел невпроворот, вот и не справляются. Но на самом деле все проще. Делается это с целью сокращения объема переписки, практика стабильная и проверенная временем. Смысл в том, что они, как обычно бывает, нарушений не находят, отсюда вполне обоснованно допускают, что заявитель неудовлетворенный ответом, будет писать вновь. А в таком случае «ребятам» придется провести за месяц не одну, как они стараются, а как минимум две проверки, и это по одному и тому же вопросу в котором они еще и нарушения не видят. Отсюда и вопрос-ответ, «А оно таки им надо?!», конечно же, нет. Но есть и еще один вполне логичный вопрос, «Следующую жалобу должны рассматривать уже не они, а более высшая инстанция?». Правильно, а высшая инстанция кто? Сам дядька прокурор, начальник этих самых «загруженных» по уши трудяг в области беспристрастной защиты прав людских. Отсюда и выходит, что рассматривать второе заявление будет то же самое «уставшее» в борьбе с беззаконием тело. Таким образом, получили объем переписки с заявителем в месяц один раз, и то не ровно месяц, а с учетом регистрации и почтовых пересылок, около 38-40 дней. И это только на одну жалобу, т.е. с учетом следующей, поставленный, в заявлении вопрос, один и тот же человек будет рассматривать 76-80 суток, конечно второй ответ приходит за подписью прокурора,

но это так, формальность. Стоит быть уверенным, что в подавляющем большинстве, дядька прокурор, ну естественно не находит нарушений, ни в действии своих «пингвинов», ни по заявлению в целом. Тогда идет третье заявление, (если заявитель из особо упертых), и безусловно, по закону, оно подается в вышестоящую прокуратуру, но, опять «Но», рассматривать его (точнее делать отписку) скинут тому самому дядьке прокурору, – « На, твое, разбирайся сам», нарушение? Да! Еще какое, но доказать невозможно, так то. И так до бесконечности, такой вот порочный круг, как не крути, спускается все к тому же «бедолаге», с которого и началось. Разорвать этот круг можно, но дано далеко не каждому, большая часть заявителей ломается еще после первого ответа, остальные со второго, и лишь единицы идут дальше. К этим единицам и относятся герои рассказа.

После того как была отправлена жалоба, первый раз повезло, реакция последовала день на 15. На заставу приехал очень важный помощник прокурора (лет 25 отроду), разобраться. А разбираются они так:

– Кто такой и что нарушено?

Как правило, неподготовленный человек просто теряется и несет детский лепет, чем пользуются сии господа. Военнослужащий идет к ним на опрос в ожидании как раз таки ответов на свои вопросы, а получается наоборот. Разговор проводится в таком ключе, что опрашиваемому не дают возможности изложить обстоятельства какого-либо события

как они есть. Мало кто из военнослужащих, ориентирован в законодательстве, отсюда он и не в состоянии сформулировать, что именно нарушено, и уж тем более сослаться на конкретный нормативно правовой акт (это как раз таки военнослужащий и надеется услышать от сотрудника прокуратуры). И так:

– Что нарушено?

– Ну... Как бы... Я даже и не знаю как сказать...

Сотрудник тем временем не дает собраться и напирает:

– Что ну? Вы конкретно можете сказать?

– Ну... Регламент не соблюдается...

– В чем это выражается?

– Что?

– Почему Вы так считаете?

– Ну-у, Как же... Вот... Ну-у...

– Что ну? Чем выражено нарушение регламента служебного времени? Вам выходные не дают?

Вот оно первое! «Вам выходные не дают?», Что тут ответить военнослужащему, когда выходные то дают, но он не знает, как их должны давать, сколько, с какой периодичностью, а как учитывать, так это и подавно темный лес.

– Выходные дают...

– Тогда в чем нарушение?

– Как бы, я точно не могу сказать...

– Так нарушают или нет?

– Ну... Нарушают конечно, Но... Вот...

– Что ну? Что вот? Вы можете точно сказать, что конкретно в регламенте нарушено?

А что тут может ответить ничего незнающий человек. Он ждет, что ему это расскажет умный дядька, а тот в свою очередь откровенно издевается над ним, прекрасно понимая, что сидящий пред ним человек, регламент в глаза никогда не видел, откуда он сможет ему назвать, о чем там написано, и уж, тем более что в нем не соблюдается. Вот вам два!

– Хорошо, смотрите, обед у вас есть?

– Да, конечно!

– Вас заставляют работать больше положенного?

– Ну... Как... Ну заставлять то... Я бы так не сказал, начальник вот...

– Что начальник? Говорит, иди огород мне вскопай ночью?

– Ну, нет, такого он не говорит...

– А что тогда? Что нарушено то? Выходные дают, время для приема пищи есть, начальник ничего противозаконного делать не заставляет. Что нарушено?

– Ну вот, смотрите, мы же не должны тут сидеть постоянно?

– А Вы тут сидите постоянно?

– Ну... Не совсем... почти...

– Не совсем, это как? Что значит почти?

– Э-э-э...

– Вот как не совсем? Вам что выходные не дают?

– Дают

– Тогда что? Домой не отпускают?

– Ну, иногда отпускают на ночь, но...

– Иногда, это как?

– Эм...

– Раз в год? Раз в месяц? Пять раз в неделю? Как?

– Ну, я точно не могу сказать...

– А кто может?

– Эм...

– Так отпускают или нет?

– Да

– Ну и?

– Что?

– Как часто отпускают?

– Не считал, по-разному...

– А как должны отпускать?

– Не знаю

– А кто знает? Понимаете, Вы мне так толком ничего не рассказали, знаете, не знаете... Что конкретно? В чем выражено несоблюдение регламента служебного времени?

– Ну... Я точно не знаю...

Пример приблизительный, но более чем яркий, такая беседа в итоге оканчивается отсутствием претензий и соответственно нарушений с большинством опрашиваемых. Протокол составляется с перечнем выгодных для сотрудника вопросов, добрая половина только делает вид, что читает про-

токол и ставит роспись. Остальные же его читают, но в силу низкого уровня правосознания, все равно не понимают о чем в нем идет речь, и так же ставят роспись. Только единицы, и читают, и понимают и требуют составить протокол в соответствии с их показаниями, но от этого ничего не меняется, так как у нас решает большинство, а оно как раз и сказало, что нарушений, нет. Так делается когда выгодней замять вопрос, если же людям в черной форме необходимо сделать наработку, то они знают, и умеют проводить опросы, дознания, в нужном ключе. Но это когда нужно им, а не простым смертным.

В случае с нашими героями ситуация была очень похожа. Были опрошены только те военнослужащие, которые на момент приезда прокурорского сотрудника находились в подразделении. Большинство не смогло точно указать нарушения, за исключением Непригодина, Екунинова и еще двух военнослужащих, которые все сделали в точности, как их проинструктировал Непригодин. Но, чтобы не учитывать их показания, люди в черном, пошли на хитрость. Хитрость, не совсем как оказалось «умных» людей, вскрылась только тогда, когда Непригодин и Екунинов получили письменные ответы о результатах проведения проверки по их заявлению. В отношении Непригодина и Екунинова, нарушения были установлены, и командование было обязано выявленные нарушения устранить. Ну еще бы нет, они указали и расписали все в точности и с ссылками на нормативно правовые ак-

ты, что касается остальных, то нарушений выявлено не было. Про двух указанных выше военнослужащих, прокуратурой вообще ничего не упоминалось, как будто их и не было вообще, но вот подробности, товарищи узнают после второй жалобы. Ответы по большому счету удовлетворили Непригодина и Екунинова, только вот командование обиделось на товарищей, да и представление прокуратуры выполнять не собиралось. Отходя немного в сторону, среди военнослужащих распространено ошибочный термин, – «прокурорское предупреждение», и что оно, это самое «предупреждение» является чем-то невообразимо страшным. Такого инструмента правового воздействия в арсенале прокурора не предусмотрено, есть – «прокурорское представление» и «предостережение», и это далеко не конец света когда что-либо из представленного направляется прокурором должностному лицу. Для справки, статья 24 [Федерального закона от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»](#), Представление прокурора:

1. Представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению.

В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способству-

ющих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме.

2. При рассмотрении представления коллегиальным органом прокурору сообщается о дне заседания.

3. В случае несоответствия постановлений Правительства Российской Федерации Конституции Российской Федерации и законам Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации информирует об этом Президента Российской Федерации.

Статья 25.1. [Федерального закона от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»](#), Предостережение о недопустимости нарушения закона:

В целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной [форме](#) должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона.

В случае неисполнения требований, изложенных в указанном предостережении, должностное лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке.

По большому счету данные меры прокурорского реагирования не так уж страшны и эффективны, наказание за на-

рушение указанных норм предусмотрено [Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ](#): Статья 17.7. Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении – Умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц – от двух тысяч до трех тысяч рублей либо дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Примечательно слово «умышленное» невыполнение требований, т.е. это еще надо и доказать, чтобы привлечь к ответственности за неисполнение. В общем, выводы каждый сделает свои...

Сотрудники прокуратуры запомнят Непригодина с Екуниновым на долго, а пока состоялось только их первое, своего рода удачное, знакомство. Ведь на момент проведения проверки, они уже готовили вторую жалобу, более масштаб-

ную, с большим числом вопросов, а эта была всего лишь разведка боем. Командованию с одной стороны стало полегче, виновник торжества раскрыл себя, теперь все всем стало ясно, но с другой стороны, совершенно непонятно что с ним делать. «Коллектив» подрасстроился, ожидали что результаты проверки коснутся всех, но на деле только в отношении двоих заявителей, прокуратура в дальнейшем ответит на это просто, «Кроме Вас ни кто жалоб не заявлял, а значит, причин для принятия мер не имеется», ну в принципе для «правового» государства все верно, хочу, пользуюсь, хочу не пользуюсь, – свобода. Подразделение стало объектом пристального внимания, какой ни какой, но коллектив, а это не порядок, опасность для бестолкового командования. Ну а Непригодин с Екуниновым заслужили особого внимания, персонального. Приезжающие, можно сказать зачастившие, проверки, (конечно же, со слов должностных лиц, не связанные с последними событиями), не упускали возможности дернуть на личную беседу двух товарищей, так сказать попытаться перевоспитать негодяев. Только вот, не у одного из так называемых «воспитателей», ничего так и не получилось. А наша история только набирала обороты, с каждым днем становилось жарче и интереснее...

Глава II

1996 год, тихий июньский вечер, понедельник, отец Непригодина пришел домой «навеселе», мама спросила причину такого состояния, на что получила ответ:

– Сегодня Димку в Чечню проводили, вот такой парень (указав жест поднятого пальца вверх), летчик от бога, полками командовать будет...

В среду вечером отец опять пришел пьяненьким, но на этот раз, он медленно сел на тумбу в прихожей, снял фуражку и тихо произнес:

– Димку сбили, завтра встречаем...

Боевая командировка сослуживца отца, продлилась два дня. В маленьком гарнизоне царил дружеская обстановка, все знали друг друга, и радости, и горе были общими. В четверг днем, все собрались на аэродроме, военнослужащие, семьи, и просто зеваки. На посадку грузно заходил военный транспортный самолет АН-12 (черный тюльпан). Военнослужащие вертолетного полка (в большей части офицеры и прапорщики, прошедшие Афганистан и успевшие побывать в Чечне) выстроились на дорожке руления, с полосы на стоянку вырулил АН-12, маленький Непригодин оказался рядом с самолетом, и дальнейшая картина врезалась в память на всю жизнь. Открылись створки грузового отсека, опустился трап, к нему подошла похоронная команда пол-

ка, первое, что увидел Непригодин, это солдат, сидевших в самолете, лица этих молодых парней были измученными и уставшими. В самолете помимо бойцов, стояло (как казалось ему) видимо-невидимо транспортировочных ящиков, «груз 200», в которых лежали чьи-то сыновья, братья, мужья, отцы. Капитан, находившийся в грузовой кабине, (член экипажа АН-12), указал на транспортировочный ящик, (цинковые гробы укладываются в ящики для транспортировки):

– Ваш! Мужики давайте побыстрее, нам еще дальше лететь.

Бойцы помогли вытащить «груз 200», после чего створки закрылись, и самолет стал вырывать на полосу. Из транспортировочного ящика извлекли цинковый гроб, в котором лежал боевой товарищ, молодой капитан, которому только недавно исполнилось всего лишь 26 лет. У него осталась жена и маленькая дочь, которые тоже присутствовали в этот день на стоянке. Картина была страшная, казалось, даже птицы замерли, в воздухе царил напряженная тишина, которую нарушила маленькая девочка, она закричала:

– Папочка я знаю, они все врут, врут, ты спишь, встань, пожалуйста, встань! Смотреть на это было тяжело, мать и супруга, стояли, молча, строй офицеров стоял склонив головы, на лицах читалась ненависть и злость. Продолжалась церемония прощания не долго, гроб загрузили в вертолет ми-8, который поднялся ввысь, сделал круг «вокруг трубы» (прощание с авиабазой) и взял курс на родину погибшего...

Непригодин с родителями отправился домой, мысли были разные, все шли молча, и вдруг мама резко остановилась, села на корточки перед парнем, взяла его за плечи и долго трясла со словами:

– Обещай мне, слышишь, обещай, ты никогда не будешь военным, никогда, обещай! Отец смотрел, молча, лишь тяжело вздыхая. За годы семейной жизни и службы отца, для родителей подобное было не впервые. Непригодин, посмотрел на отца, взял маму за руки, улыбнулся и тихо произнес:

– А этого мама, я тебе пообещать не могу, я буду военным! Я поклялся! Больше в семье Непригодиных подобные вопросы не поднимались. А Непригодин, данную клятву, сдержал, но ее содержание, никогда и не кому не рассказывал...

В обществе таких офицеров рос Непригодин, во времена, когда зарплату военным не платили по полгода и больше, да и не только военным, не платили никому в стране, полная разруха, хаос и криминал. Но не смотря на трудное положение офицеры оставались офицерами, были и те кто уходил на гражданку в поисках лучшей жизни, в погоне за зеленой бумажкой, но таких было не так уж и много. Как то Непригодин стал невольным свидетелем разговора между родителями. Отец всегда уходил на службу до того как Непригодин вставал в школу, обычно его будила мама, а тут он проснулся раньше. Мама говорила отцу:

– Ну зачем тебе эта армия, ты хороший специалист, у тебя красный диплом, тебя зовут в Москву на хорошую долж-

ность, что тут сидеть, чего ждать?

– Я офицер, а не торгаш, у меня в казарме сидит двести зеленых пацанов, кому они нужны? Кто о них подумает? Эти «институтки» что ли, у которых одни доллары в глазах и пусто в головах? (Советское поколение офицеров «Институтками» называло молодых выпускников военных институтов) А если завтра в Чечню отправят, кто их поведет? Балбесы эти, которые не знают, с какой стороны пуля вылетает? Нет, об этом не может быть и речи, мое место здесь, да и в конце концов, я присягу давал! А трудности они не вечны, надо потерпеть, не бросят армию, не совсем же дураки в кремле сидят, должны понимать, «не будешь кормить свою армию, будешь кормить чужую, но гораздо дороже». Все наладится, а нет, пойдем на Москву... Больше к этому разговору родители не возвращались.

Что значило «на Москву», Непригодин уже понимал, он неоднократно слышал как офицеры, в том числе и его отец, обсуждали возможность и перспективы марш – броска на боевой технике до правительственных зданий в Москве, тем более, что жили они в 60-70 километрах от столицы. Прорабатывали все возможные варианты, и действительно готовили на крайний случай вооруженный переворот, свержение преступной власти. Тем более что танковый батальон, в котором проходил службу отец, уже принимал участие в подобных мероприятиях. Танки именно этого батальона в 1993 году стреляли по Белому дому. Но новые планы, так и

остались планами, генералов которые были инициаторами, обманом затащили в политику, где с ними и расправились, часть, где служил отец, сократили, а офицеров разбросали по всей стране. У отца Непригодина это уже было третье сокращение, так собственно он и попал из армейской авиации в танкисты. Вертолетный полк, в котором служил отец, был расформирован в рамках договора о сокращении средних наступательных вооружений (СНВ). Самое интересное, что сокращали не что попало, и не как принято считать у простых обывателей, «по ошибке». (Для справки, по ошибке ничего не расформировывалось и не сокращалось, это всего лишь домыслы и сплетни людей). Под эти мероприятия как раз попадали, боеспособные и имеющие вековые традиции, воинские части, уже тогда шло планомерное уничтожение истории. А сколько при таких мероприятиях вооружения, боеприпасов и просто материальных ценностей уходило в неизвестном направлении, останется тайной. Армия разворовывалась в немыслимых масштабах. Когда расформировывался вертолетный полк, те вертолеты, которые были не исправны и не смогли уйти своим ходом на другой аэродром базирования, пилили на метал, прям на стоянках. И таких вертолетов было много, из 2х эскадрилий (порядка 27-30 бортов) укомплектованных вертолетами Ми-6, своим ходом ушло только три борта, остальные были распилены и сданы на метал, неизвестно кем и куда, а ведь они требовали незначительного ремонта. Все это происходило на глазах

летчиков, которые еще вчера поднимали эти машины в небо, в небо Афганистана, Чернобыля, Чечни, и многих других уголков планеты. Летчики это на самом деле другие люди, из другого сплава, они живут своей работой, небом. «Поднявшись в небо один раз, там остаешься навсегда». Это не о том, когда летаете пассажиром и наблюдаете полет в лучшем случае в боковой иллюминатор, совсем другое, когда из кабины экипажа. Непригодин не прошел по здоровью в авиационное училище, но пролететь в кабине экипажа большого транспортного самолета ему посчастливилось. С 1992 года по 1994 год, семья Непригодиных жила в Германии, отец проходил службу в западной группировке войск (ЗГВ), к моменту развала СССР это была самая крупная, боеспособная и оснащенная войсковая группировка, которая также впоследствии была расформирована и разворована. Вот как раз свидетелем вывода войск был и Непригодин, он тогда мало что еще понимал, но хорошо помнит, что происходило, и как выглядел вывод. С Германии семья Непригодина и еще 2-3 семьи летели на транспортнике АН-22, размещались они в кабине отдыха экипажа и сопровождающих, разумеется, маленький мальчик не сидел во время полета на месте и лазил по всему самолету. Это не пассажирский самолет, где к экипажу вас никто не пустит, да и года были не те, дверь в кабину пилотов была тоже открыта. Непригодина было любопытно, и он периодически заглядывал к летчикам за дверь, в конце концов, командир экипажа повернулся, и улыбаясь

произнес:

– Ну заходи уже, чего там стоишь?! Непригодин робко зашел в кабину, на АН-22 она достаточно большая, и командир экипажа попросил второго пилота уступить ему место, «Пусть посидит чуть-чуть, дай ему за штурвал подержаться». Представляете восторг восьмилетнего мальчишки, сесть в полете в кресло пилота, а картина перед глазами! Наблюдать с кресла пилота как самолет разрезает облака, как он плывет в голубой глади, согласитесь, дано не каждому, в это невозможно не влюбиться, «Поднявшись в небо один раз, там остаешься навсегда». Когда заходили на посадку, парню разрешили наблюдать с кабины штурмана. Штурман на АН-22 располагается на нижней палубе в носовой части, вид при посадке, захватывает дух, не самолет приближается к земле, а земля бежит на самолет, такое забыть нельзя. Эмоции мальчишки не описать, он только укрепился в своем желании быть летчиком, только вот тогда он еще не знал, что больше зайти в кабину экипажа, ему не суждено...

Приземлившись в Чкаловском, к борту самолета подъехало несколько «крутых» по тому времени машин, Непригодин в первый раз в жизни увидел «братков», новую элиту России, именно «братками» (они же рэкетеры), мечтали быть подростки 90х., космонавты уже спросом не пользовались. На борту самолета находился груз знаменитого в то время генерала, получившего прозвище «Паша-Мерседес», как раз, два Мерседеса и был тот самый груз. Лихие ребя-

та, без всякого таможенного досмотра выкатили автомобили и уехали на них в неизвестном направлении. После чего пришли таможенники, пограничники, досмотрели самолет, поставили штампы в паспорта, и самолет вновь пошел на взлет, это была не конечная точка маршрута. При выводе войск десятки, а может и сотни (никто не считал) составов с материальным имуществом ЗГВ не дошли в назначенные пункты, потерялись в пути. Много частей приезжало в чистые поля, где их расформировывали, вот так. Войска вывели, а вывод не подготовили, войска просто не куда было принимать. Да и принимать их никто не собирался, это было самое настоящее уничтожение войск, уничтожение без войны, без видимого противника, без единого выстрела. Ущерб государству был нанесен колоссальный, терялись не только материальные ценности, но вооружение и боеприпасы, военная техника не была исключением. Многие кстати всплывало потом в Чечне и в иных локальных конфликтах. Одним словом, «братва» рулила и зарабатывала. Вертолетному полку, в котором служил отец Непригодина, повезло, ему нашлось место под Тулой, и он еще просуществовал 4 года, до подписания договора СНВ. По приезду в новый населенный пункт Непригодин не очень возрадовался, в Германии местные националисты не редко приходили под забор военного гарнизона, кидали камни, палки, бутылки и скандировали «Russische Schweine» (звучит как – «руссишь швайне»), в переводе с немецкого языка, «Русские свиньи».

А по возвращению в Россию, местные жители городка называли прибывших с Германии, «немцы», «фашисты». Непригодину было обидно, «В Германии я русская свинья, а в России я немецкий фашист», за это даже приходилось драться, с особо надоедливými сверстниками, но, к сожалению это только усиливало нападки, мол, – «А, еще и дерется, точно фашист». Длилось это около года, потом забылось и все отстали. Но вот что резко бросилось в глаза Непригодину, так это памятники советскому солдату, победившему фашизм, а именно как за ними ухаживают в Германии и в России. В Германии, кто не знает, тоже есть (по крайней мере были, и в официальных источниках не сообщалось о их демонтаже, как например в Польше и на Украине) памятники советскому солдату, и старшее поколение немцев действительно считали советского солдата освободителем. Памятники советскому солдату в германии ухожены круглый год, на них всегда чисто, всегда лежат свежие цветы, и у нас, памятники вспоминают только 9 мая, а остальное время никому до них нет дела. 9 мая принесли цветы, перед следующим убрались, новые положили, вот и отношение к памяти у победителей и проигравших. В крупных городах еще с этим вопросом более, менее, а вот именно в периферии, их вспоминают раз в год, да и то потому что «так надо, так сказали», а не потому, что действительно помнят и чтят наших дедов. И Непригодин как раз жил в небольшом немецком городке, где за памятниками всегда следили. В этом городке был еще и конц-

лагерь, из которого сделали музей и его мог посетить каждый желающий. Концлагерь Заксенхаузен, именно из него в 1945 году вывели заключенных на марш смерти, именно в нем сидел советский генерал Карбышев, сын Сталина Яков Джугашвили, и там же до освобождения 1944г. находился Бандера. Непригодин посещал его несколько раз, место не из приятных, атмосфера внутри очень тяжелая, многое до наших дней не сохранилось, благодаря союзным войскам, а именно Американцам. Американская авиация накануне подхода к городу советских войск провела массированную бомбардировку города, видимо, чтобы СССР меньше досталось, иначе объяснить нельзя. В самом городе кроме концлагеря и казарм войск СС не было стратегических объектов, и те спешили отступать, да и в лагере находились военнопленные, которые тоже попали под американские бомбы. А вот загородом располагался авиационный завод по производству бомбардировщиков He-111, (Хенкель), который был разрушен в результате авиаударов. Рядом с заводом находился и аэродром, на котором к концу войны базировались реактивные истребители Me-262 (Мессер), аэродром не пострадал, на нем и базировался вертолетный полк советских войск. В результате авиаудара, множество построек и сооружений концлагеря было уничтожено, так например, была уничтожена станция «Z» (так же ее называли, последняя станция или станция смерти). В этом сооружении каждый день убивали военнопленных точным выстрелом в затылок, убийства

шли как на конвейере, постоянно, непрерывающимся потоком, каждый заключенный знал, кто туда заходит, уже никогда не возвращается. Под бомбами исчез и бункер «Целленбау», в котором содержали особых заключенных, именно в нем содержали Джугашвили, Карбышева, и Бандеру, назывался он особый сектор «А», для «ВИП» заключенных. Яков был расстрелян еще в 1943г. при попытке побега. С Карбышевым много противоречий, где то утверждается, что он был расстрелян в Заксенхаузене в 1944г, где-то что умер при переводе из Заксенхаузен в Маутхаузен, а другие источники утверждают, что 18 февраля 1945 года в концлагере Маутхаузен был облит холодной водой на морозе, после чего зверски убит. Так или иначе, никого из перечисленных личностей, в момент бомбежки не было, как и Бандеры, он был освобожден немцами в 1944г. с целью создания украинского национального органа для борьбы с СССР. Так же были частично разрушены несколько бараков, в которых находились заключенные. В годы войны на территории концлагеря Заксенхаузен, так же находилось управление и инспекция всех лагерей фашисткой Германии, медицинская школа, (студенты которой обучались и ставили опыты, как на мертвых, так и на живых людях, военнопленных) и находилась штаб-квартира дивизии СС, «мертвая голова». По разным данным в концлагере Заксенхаузен за годы его существования с 1936 по 1945 годы (с 1945 и до 50х годов лагерь использовался войсками НКВД как фильтрационный),

было зверски замучено и убито более 100000 человек. Официально концлагерь не считался лагерем смерти, но на деле это было не так, погибших было гораздо больше. Именно в этом концлагере придумывали и проверяли изощренные способы убийства людей, в том числе массовые, которые потом применялись и в остальных лагерях смерти. Многих военнопленных убивали сразу по прибытию без регистрации, поэтому точное число погибших установить невозможно. Из отрывочных сведений историков и просто любителей, судьбы многих военнопленных прерываются здесь, так как из реестров шталагов (транзитные, промежуточные лагеря, в которых преимущественно содержались рядовой и младший командный составы) военнопленных отправляли в Заксенхаузен, но в реестрах лагеря они не отображались. Многие погибали в пути следования, кого-то казнили сразу по прибытию без оформления, других размещали по баракам, где их ждали чудовищные условия рабского труда, именно из-за этого уточнить более правдивые данные крайне сложно. Передать словами увиденное тяжело, несмотря на прошедшие годы, за стенами лагеря долго находится невозможно, обстановка давит на человека, посещение оставляет неизгладимые впечатления на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.